
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, директор Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Director of the Institute for Contemporary International Studies
of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: iamp@dipacademy.ru

Заемский Владимир Федорович,

доктор политических наук,
проректор по кадровой политике
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Vladimir F. Zaemsky,

Doctor of Political Science,
vice-rector, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: iamp@dipacademy.ru

Давыдова Алина Витальевна,

научный сотрудник,
Институт актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Alina V. Davydova,

research associate,
Institute for Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
Email: iamp@dipacademy.ru

«ВЕЛИКОЕ ОБНУЛЕНИЕ» КЛАУСА ШВАБА И ТЬЕРРИ МАЛЛЕРЕ: РОЛЬ COVID-19 В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

«THE GREAT RESET» OF KLAUS SCHWAB AND THIERRY MALLERET: THE ROLE OF COVID-19 IN THE NEW WORLD ORDER

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения книги «COVID-19: Великое обнуление», написанной учредителем Всемирного экономического форума Клаусом Швабом и основателем информационной платформы «Monthly Barometer» Тьерри Маллере. Авторы поставили перед собой задачу разобраться в изменениях, которые пандемия COVID-19 произвела во всех сферах общественной жизни, и представляют прогноз новой, постковидной, реальности. По их мнению, основная задача «Великого обнуления» в том, чтобы ускорить трансформацию мировых процессов, заменить неудачные идеи, институты и правила новыми, более подходящими для текущих и будущих потребностей, потому что вернуться к состоянию прежнего мира уже невозможно. Однако системные изменения провоцируют не только линии разлома, но и перспективы развития глобального общества.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, глобализация, мировое сообщество, регионализация, обнуление.

Abstract: the article examines the main provisions of the book “COVID-19: The Great Reset”, written by World Economic Forum founder Klaus Schwab and Monthly Barometer author Thierry Malleret. The authors set themselves an ambitious task to understand all the changes that the COVID-19 pandemic has unfolded in the spheres of public life and to present a forecast of a new post-covid reality. In their opinion, the main task of the Great Reset is to accelerate the transformation of world processes in order to replace unsuccessful ideas, institutions and rules with new ones, more suitable for current and future needs, because it is no longer possible to return to the previous world order. However, systemic changes provoke not only fault lines, but also prospects for the development of a global society.

Key words: pandemic, COVID-19, globalization, world community, regionalization, reset.

В книге «COVID-19: Великое обнуление» представлена широкомасштабная панорама будущего мирового ландшафта. Основной акцент сделан на пяти ключевых макрокатегориях – экономической, социальной, геополитической, экологической и технологической, которые оказались затронуты пандемией и повлияли как на государства и правительства, так и на обычных людей.

По утверждениям авторов, мир сейчас находится на распутье. Одна дорога ведет в более инклюзивный, более справедливый и уважительный по отношению к природе мир. Другая же, наоборот, прокладывает путь к привычной реальности, в которой условия жизни будут неизменно ухудшаться. В этой связи К. Шваб и Т. Маллере отмечают принципиальное значение «Великого обнуления»: помимо системных изменений, оно может сыграть свою положительную роль и привести в мир не только трудности, но и неожиданные перспективы [21].

Не будет преувеличением отметить, что человечество пошло к определяющему моменту в своей современной истории. Последствия пандемии будут напоминать о себе в течение многих лет, в то время как привычная нам реальность изменится безвозвратно. Пандемия COVID-19 привела к ослаблению мировой экономики, спровоцировала нестабильность во многих сферах – в первую очередь, в политической, социальной, геополитической, – вызвала серьезную озабоченность вопросами окружающей среды, а также ускорила проникновение технологий в повседневную жизнь. Ни одна отрасль промышленности, ни один бизнес-сектор не смогут избежать последствий этих изменений. Линии разлома в сегодняшнем мире – прежде всего социальные разногласия, дисбаланс справедливости, отсутствие сотрудничества, провал глобального управления и лидерства – теперь обнажены как никогда. Но глубокие экзистенциальные кризисы также благоприятствуют положительному осмыслению и несут в себе потенциал для трансформации общества. После пандемии политические лидеры и активисты гражданского общества должны самостоятельно нарисовать контуры нового мира.

Особенности современного мира

Очевидно, что современный мир характеризуют три составляющие: взаимозависимость всех процессов, их сложность и скорость. В свою очередь, пандемия – это мультиаспектная адаптивная система, включающая в себя множество различных компонентов и уровней информации. Поэтому она и смогла так глубоко затронуть все процессы, происходящие в мире. Как пример, авторы указывают на то, что такая эпидемиологическая угроза, как COVID-19, оказалась способна заблокировать международные поставки продуктов питания и медицинского оборудования, а также нарушить продовольственные цепочки для многих стран, которые в них нуждались. Это, в свою очередь, спровоцировало гуманитарную катастрофу и развитие кризисных тенденций в целом ряде государств.

В анализируемой книге подчеркивается, что влияние коронавируса точно не ослабнет на протяжении следующих двух лет. Стоит ожидать увеличения уровня безработицы по всему миру, усиления государственного контроля в сфере экономики, уско-

ренной автоматизации производства и спада потребительского спроса. Однако данные тенденции наметились еще до появления коронавируса, а он лишь придал всем процессам дополнительное ускорение.

За прошедшие десятилетия в западных странах роль государства значительно снизилась. Но эта ситуация в корне изменилась во время пандемии, потому что, как оказалось, с помощью только рыночных решений невозможно справиться с COVID-19. Коронавирусу удалось изменить представления о сложном и хрупком балансе между частной и общественной сферами в пользу последней. В результате ситуация, которую было бы сложно представить еще несколько лет назад, теперь может стать нормой. Ради борьбы с коронавирусом государство обязалось взять на себя все рыночные риски, однако на практике до сих пор не проведено различие между такими понятиями, как неизбежные антикризисные меры и полноценное огосударствление экономики [7].

Вновь популярной становится политика поддержки внутреннего рынка и возврата к протекционизму. Ограничивая объемы международной торговли, государство создает устойчивую базу для внутреннего рынка, что в свою очередь позволяет снизить зависимость страны от мировых кризисов. В то время как модель глобального мира устаревает, необходимо защищать внутренние рынки от любых масштабных катаклизмов (включая эпидемиологические ситуации, гуманитарные кризисы и последствия климатических проблем).

Важно отметить, что COVID-19 показал слабость глобального управления. С самого начала противоречия в мировой политике, усугубляемые натянутыми отношениями между США и Китаем, подрывали международные усилия по реагированию на пандемию. В начале кризиса усилия международного сотрудничества были достаточно ограниченными, и они не наладились даже в тот момент, когда были больше всего необходимы – в разгар эпидемии во втором квартале 2020 г. Вместо запуска глобального комплекса мер COVID-19 привел к противоположному: к закрытию границ, ограничениям на международные поездки и торговлю, перебоям в распределении медицинских товаров и последовавшей за этим конкуренции за ресурсы. Даже страны ЕС изначально

но предпочитали действовать в одиночку, хотя впоследствии этот курс и был заменен взаимной помощью стран-членов, внесении поправок в бюджет ЕС в поддержку систем здравоохранения и объединением исследовательских фондов для разработки методов лечения и вакцин. Был утвержден Фонд восстановления с бюджетом в 750 миллиардов евро [1]. В рамках единой системы нации должны были объединиться, чтобы вести глобальную скоординированную «войну» против пандемии. Вместо этого возобладали принцип «моя страна прежде всего», который серьезно подорвал попытки сдержать распространение первой волны пандемии. Многие эксперты отмечают, что нарастают противоречия между принципами национального суверенитета и глобальными «общими» ценностями.

Глобализацию не остановить?

Клаус Шваб и Т. Маллере в «Великом обнулении» приходят к выводу, что мировые процессы настолько сложны и взаимосвязаны, что полноценно остановить глобализацию не получится. Однако они также обращаются к вопросам соотношения общих свобод и ценностей и принципов национального суверенитета. Этот подход убедительно отражает концепция «трилеммы глобализации», предложенная экономистом из Гарварда Дэни Родриком [20]. В начале 2010-х гг., когда глобализация превратилась в чувствительную политическую и социальную проблему, он объяснил, почему рост национализма станет однажды неизбежным. Трилемма предполагает, что такие понятия, как «экономическая глобализация», «политическая демократия» и «национальное государство», несовместимы друг с другом и только два из этих явлений могут эффективно сосуществовать в любой момент времени. Демократия и народный суверенитет совместимы только при сдерживании глобализации. Напротив, если процветают и национальное государство, и глобализация, тогда демократия становится несостоятельной. И затем, если и демократия, и глобализация будут положительно расширяться, то национальному государству не останется места. Следовательно, из трех составляющих всегда можно выбрать только две – в этом суть трилеммы. Таким образом, рост национализма неизбежно приведет к ослаблению глобализации в большинстве стран мира.

Помимо этого, несмотря на сокращение объемов глобализации, стоит подчеркнуть, что по-прежнему «глобализированными» остаются платежно-расчетные системы, которые уже на начальном этапе развития мира «новой нормальности» переходят в конкурентное пространство с криптовалютами.

Отдельное внимание уделяется судьбе доллара США как мировой валюты, но авторы книги приходят к выводу, что пока не существует достойных альтернатив его гегемонии. В значительной степени американская мощь была построена и укреплена глобальным доверием к доллару и готовностью клиентов за рубежом поддерживать его, чаще всего в форме государственных облигаций США. Тот факт, что так много стран и иностранных агентов предпочитают держать доллар в качестве залога стоимости и инструмента обмена (для торговли), закрепил за ним статус мировой резервной валюты. Это позволило США брать дешевые займы за рубежом и извлекать выгоду из низких процентных ставок внутри страны, что в свою очередь предоставило американцам возможность потреблять сверх своих средств. В основе статуса доллара США лежит критический вопрос доверия: неамериканцы, владеющие долларами, верят, что Соединенные Штаты будут защищать как свои собственные интересы (разумно управляя экономикой), так и остальной мир в том, что касается доллара США (разумно управляя своей валютой, эффективно и быстро обеспечивая долларовую ликвидность мировой финансовой системе и т.д.).

Однако китайский юань занимает все более устойчивые позиции и однажды может стать ведущим претендентом на статус мировой валюты при условии, что будет отменен строгий контроль за движением капитала. Но маловероятно, что это произойдет в обозримом будущем. То же касается и статуса евро, потому что все еще сильны мнения о возможном распаде еврозоны. Роль доллара может снизиться только при появлении устойчивой глобальной виртуальной валюты. Некоторые эксперты считают, что создание «цифрового юаня» предоставит миру доступ к китайским рынкам капиталов и повлияет на эффективность вложений, в результате чего процессы мировой экономики вновь вернуться к росту.

Пандемия COVID-19 может ускорить разработку центральными банками целого ряда государств собственных цифровых

валют, как полагают эксперты Банка международных расчетов (Bank for International Settlements, BIS) в обзоре «COVID-19, различные и будущее платежей» [13].

Будущее за цифровой валютой

В 2020 г. Риксбанк, Центробанк Швеции, начал тестировать свою цифровую валюту на основе технологии блокчейн [22]. Основная цель проекта – показать, как е-крона (e-krona) может использоваться в дополнение к существующим наличным и электронным деньгам. В феврале 2021 г. Риксбанк завершил первую фазу тестирования цифровой кроны и опубликовал отчет о проделанной работе. Представители Центробанка Швеции сообщили, что на первом этапе удалось создать сеть, с помощью которой е-крона может использоваться для совершения платежей. В тестовой среде регулятор смоделировал важнейшие компоненты выпуска цифровой валюты, включая ее эмиссию и распределение между конечными пользователями. На втором этапе участниками пилотной программы станут коммерческие банки и платежные системы и будет проведено детальное изучение возможностей е-кроны в коммерческих транзакциях и розничных платежах. В Риксбанке также отметили, что уровень использования наличных денег в Швеции постепенно снижается, поэтому проект по изучению возможности запуска цифровой валюты приобретает все большую актуальность.

Центробанки Канады, Англии, Японии, Швеции, Швейцарии, а также Европейский Центробанк совместно с BIS объединились в группу по обмену опытом изучения вариантов использования CBDC (Central Bank Digital Currency). В банке Франции заявили о намерении изучить варианты использования CBDC для межбанковских платежей [15], тогда как Банк Англии уже изучает технологию применения CBDC для розничной торговли [16]. Возможность выпуска CBDC также рассматривают в Центробанке Южной Кореи [14].

В апреле 2021 г. Центробанк России представил концепцию цифрового рубля. Запуск платформы пройдет в два этапа. Сначала Центробанк подключит к системе банки и Федеральное казначейство, которые смогут открывать электронные кошельки и проводить операции юридических и физических лиц. Затем

к платформе подключают финансовых посредников, будут запущены офлайн-переводы, обмен цифрового рубля на иностранную валюту и реализована возможность открывать кошельки нерезидентам РФ [10].

Кризис политического лидерства

COVID-19 также заставил многие правительства столкнуться с вопросами ответственности за введенные меры, а политические лидеры, которые не смогли быстро отреагировать на меняющиеся условия во время пандемии, подверглись общественному неодобрению. Как заявил Генри Киссинджер, «нации сплочены и процветают, полагая, что их государственные институты могут предвидеть бедствия, останавливать их воздействие и восстанавливать стабильность. Когда пандемия COVID-19 закончится, государственные институты многих стран будут считаться провальными» [18].

В бедных странах пандемия привела к огромным социальным проблемам. Она усугубила уже существующие трудности, в частности критический уровень бедности, неравенства и коррупции. В некоторых случаях это грозит такими серьезными последствиями, как социальная и общественная дезинтеграция («социальная» подразумевает под собой взаимодействие между отдельными лицами или группами лиц, а «общественная» подразумевает гражданское общество целиком). Под влиянием пандемии были разрушены цепочки торговых поставок в этих странах, что привело к прекращению денежных поступлений и усугублению голода. На обширных территориях Африки к югу от Сахары, а также в некоторых частях Азии и Латинской Америки миллионы людей зависят от скудного ежедневного дохода. Любая изоляция или кризис могут быстро привести к беспорядкам.

Пандемия вернула на повестку дня проблему продовольственной безопасности, и во многих странах это может повлечь за собой гуманитарную катастрофу и продовольственный кризис. Официальные представители ФАО ООН прогнозируют, что число людей, страдающих от острой нехватки продовольствия, может удвоиться до 265 миллионов [8]. Ограничения на передвижение вкупе с торговыми сложностями, ростом безработицы и ограниченным доступом к продовольствию могут спровоцировать крупномасштабные волнения, которые приведут к появлению новых

миграционных потоков. 1 апреля 2020 г. Дэвид Бизли, исполнительный директор Всемирной продовольственной программы ООН, предупредил Совет Безопасности ООН о том, что «голод библейских масштабов» наступил примерно в трех десятках стран, в первую очередь в Йемене, Конго, Афганистане, Венесуэле, Эфиопии, Южном Судане, Сирии, Судане, Нигерии и Гаити.

Пандемия COVID-19 выдвинула на передний план ключевую роль системы социальной защиты в обществе. В рамках развития осуществляемых сегодня мер реагирования правительствам стоит обратиться к переосмыслению понятия общественного договора. На протяжении десятилетий он медленно и почти незаметно развивался в одном направлении, заставляя людей брать на себя большую ответственность за свою жизнь и экономические достижения. Однако после пандемии появляется все больше недовольных текущей формой взаимоотношений между гражданами и правительствами.

Новый общественный договор

Какую форму может принять новый общественный договор? Готовых моделей не существует, потому что каждое возможное решение зависит от истории и культуры страны, к которой оно применяется. Очевидно, что «хороший» общественный договор для Китая будет отличаться от такового для США, который, в свою очередь, не будет напоминать модель Швеции или Нигерии. Однако все эти договоры могут иметь некоторые общие черты, среди которых особенно выделяются две:

1) более широкое, если не всеобщее, предоставление социальной помощи, социального страхования, здравоохранения и базовых качественных услуг;

2) движение к усиленной защите работников и тех, кто в настоящее время наиболее уязвим (например, тех, кто поддерживает экономику, когда штатные сотрудники заменяются на независимых подрядчиков и фрилансеров).

Считается, что страны с устойчивыми показателями справились с ударом COVID-19 лучше, потому что:

- они были «подготовлены» к предстоящему кризису (с материально-технической и организационной точек зрения);
- они приняли быстрые и решительные меры;

- у них существует эффективная и инклюзивная система здравоохранения;
- эти страны характеризуются высоким уровнем доверия, при этом граждане доверяют как правительству, так и информации, которую оно предоставляет;
- проявляя настоящее чувство солидарности, такие государства отдают предпочтение общему благу над индивидуальными потребностями.

Очевидно, что в странах с более высокими макроэкономическими показателями, большей социальной сплоченностью и устойчивыми системами социальной защиты посткоронавирусное восстановление проходит быстрее и даже увереннее. Такие факторы уязвимости, как внушительный внешний долг, слабые балансы компаний, домашних хозяйств и банков, а также пониженное доверие к проводимой государством политике по пресечению распространения пандемии и борьбе с ее последствиями будут препятствовать восстановлению экономики. Глобальное сотрудничество играет принципиально важную роль для восстановления цепочек поставок, поддержки уязвимых стран и координации общих действий [2].

Конец неолиберализма

Клаус Шваб и Тьерри Маллере подчеркивают, что COVID-19 знаменует собой конец неолиберализма – то есть той совокупности идей и политик, которые можно условно определить как доминирование конкуренции над солидарностью, созидательного разрушения над вмешательством правительства и экономического роста над социальным благосостоянием. Неслучайно две страны, которые в последние несколько лет с наибольшим рвением придерживались политики неолиберализма, – США и Великобритания – относятся к числу наиболее пострадавших во время пандемии. Коронавирус также нельзя назвать «великим уравнителем», как многие эксперты заявляли раньше. Скорее, наоборот: он стал символом несправедливости, обнажил неравенство в доходах, экономическое и социальное разделение общества, а также уязвимость большинства людей в мире.

Считается, что капитализм примет иную форму, в обществе могут даже появиться совершенно новые виды собственности,

помимо частной и государственной. Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни ради общего блага.

Цифровой тоталитаризм

В книге К. Шваба и Т. Маллере уделяется особое внимание вопросам цифрового тоталитаризма. В течение последних нескольких лет и правительства, и компании использовали все более изощренные технологии для мониторинга граждан и сотрудников, а иногда и манипулирования ими. Пандемия рискует стать переломным моментом в истории цифрового тоталитаризма и ускорить наступление будущего техногосударственного надзора с целью воздействия на индивидуальное поведение граждан.

Несомненно, цифровизация становится важнейшим фактором экономического, социального и политического развития мира после пандемии коронавируса. Уже во время изоляции развитые системы общественного контроля содействовали правительственным органам в попытках отследить граждан, нарушающих ограничительный режим. Но даже после снятия всех мер срочного реагирования цифровизация продолжает глубоко влиять на структуру социального мониторинга.

Например, в некоторых странах существующие системы социального рейтинга быстро трансформировались в полноценный инструмент контроля граждан. В США он получил название FICO, по имени компании «Fair Isaac Corporation». Это ведущее американское бюро кредитных историй, предоставляющее сведения о потенциальных клиентах и заемщиках коммерческим компаниям. Бюро работает с 1956 г., а в наши дни хранящиеся в нем «личные дела» применяются далеко не только в области потребительских кредитов. От рейтинга FICO зависит, например, приоритетность в покупке авиабилетов (людям с очень низким рейтингом могут отказать в продаже). При устройстве на работу запрашивают кредитную историю. Аналогичное бюро – под названием SCHUFA – работает в Германии, и в последнее десятилетие туда также принято обращаться практически в любой ситуации, требующей проверки или оценки нового клиента. Без обращения в SCHUFA не обходится ни сдача квартиры, ни откры-

тие контракта мобильной связи [11]. Во время пандемии граждане западных стран были вынуждены предоставлять большое количество персональных сведений в эти институты, таким образом составляя свой цифровой профайл для правительственных органов.

Главная опасность цифрового тоталитаризма заключается в том, что усиление цифрового надзора может из антикризисной меры перерасти в политическую проблему. В масштабах целой страны контроль на уровне гаджетов впервые применил Китай, где система социального рейтинга и общественного контроля действует с 2010 г. Она функционирует на основе новейших технологий, в частности ИИ, для оценки деятельности отдельных граждан или компаний с помощью данных, которые собираются через цифровые приложения, гаджеты и камеры наблюдения, которые установлены в Китае практически на каждом шагу [12].

Беспрецедентным опытом стало введение в России (в частности, в Москве) цифровых пропусков для передвижения во время режима изоляции, а также создание специального приложения для инфицированных людей, которые должны были подтвердить свое пребывание в пределах дома.

Цифровая система контроля начала создаваться задолго до появления коронавируса, но именно пандемия ускорила развитие технологий, направленных на сбор и анализ персональных данных граждан. Использование подобных цифровых средств, включая искусственный интеллект и Big Data, для обеспечения соблюдения вводимых ограничений может привести к злоупотреблению, если данные технологии не подкреплены надлежащими гарантиями и не отменены после окончания кризисной ситуации [5].

Медицинские последствия эпидемии коронавируса могут оказать менее деструктивное воздействие на глобальное развитие по сравнению с теми мерами, которые государства предприняли для борьбы с распространением заболевания. Эксперты «Oxford Economics» предупреждают, что «политика ограничения коммуникаций и свобод может только усугубить кризис и создать дополнительные проблемы в будущем» [19]. Глобальное общество может столкнуться с непривлекательной альтернативой: либо смириться с периодическими ограничениями базовых прав

и свобод (перемещений, собраний, предпринимательской деятельности), либо для их сохранения пожертвовать анонимностью своих персональных данных. Однако необходимо ввести такое понятие, как «цифровая прозрачность граждан», которая должна быть уравновешена новыми требованиями к прозрачности государств и ключевых агрегаторов.

Следующая проблема, которую усугубила пандемия, – это социальные волнения, которые в некоторых случаях могут привести к дезинтеграции общества и политическому краху. Всплески подобных протестов всегда нелинейны, потому что они могут быть вызваны широким спектром политических, экономических, социальных, технологических и экологических факторов. Наиболее подвержены такому риску бедные государства без систем социальной защиты и богатые страны со слабыми системами социальной защиты, потому что в них почти не предусмотрен ряд таких необходимых мер, как, например, выплата пособий по безработице. По этой причине общества развитого индивидуализма, как в США, подвержены большему риску, чем европейские или азиатские страны, в которых сильнее развито чувство солидарности (как в Южной Европе) либо имеется отличная социальная система для помощи пострадавшим (как в Северной Европе).

Весной 2021 г. можно говорить о наступлении очередной волны коронавируса, которая спровоцировала мощный поток социальных протестов против вводимых государствами мер безопасности. Так, например, протесты охватили такие европейские страны, как Голландия, Литва и Румыния, где правительства ужесточают меры по противодействию распространению COVID-19.

Авторы рецензируемой книги делают вывод, что остановить процессы глобализации невозможно, однако их можно замедлить и даже повернуть вспять. Пандемия восстановила национальные границы, ужесточила пограничный контроль и усилила политику протекционизма. Многие лидеры предпочитают сдерживать глобализацию в пользу доктрины народного суверенитета. И это уже достаточно заметно в западных государствах: успех Брекзита и избрание президента Трампа – два ярких примера негативной реакции Запада на глобализацию. Наиболее вероятный исход выбора между глобализацией и ее отсутствием заключается в промежуточном решении – регионализации. Успех Европейско-

го союза как зоны свободной торговли или нового регионально-го всеобъемлющего экономического партнерства в Азии (речь идет о предлагаемом соглашении по вопросам создания зоны свободной торговли между 10 странами-членами АСЕАН) – важные примеры того, как регионализация вполне может стать новой реальностью глобализации. Даже три государства, составляющие Северную Америку, теперь по объемам совместной торговли превосходят аналогичные объемы с Китаем или Европой.

Новые геоэкономические макрорегионы

В настоящее время происходит окончательное формирование новых геоэкономических макрорегионов. Многие из них в той или иной степени предполагают военно-политические и военно-силовые инструменты в качестве консолидирующих [3]. Первичным элементом регионализации нового типа становится не экономическая составляющая, а политическая.

Динамично развивающимися макрорегионами считаются следующие. Во-первых, к ним относят Юго-Восточную Азию, где США, по-прежнему разворачивая торговую войну с Китаем, пытаются создать подчиненную им экономическую и политическую коалицию, переформатировав АСЕАН из экономического сообщества в более политически активный региональный альянс. Есть вероятность, что в данном случае коронавирус будет способствовать закреплению центральной роли Вьетнама в потенциальной коалиции. Большим преимуществом Вьетнама является военный потенциал, недостаточный для противостояния Китаю, но вполне адекватный, чтобы превратить Вьетнам в военно-политическое ядро нового макрорегиона.

Во-вторых, это Восточное Средиземноморье, где с 2019 г. предпринимаются попытки переформатирования. Базовыми элементами данного региона становятся и новая логистика, и интенсивная конкуренция за контроль над энергетическими ресурсами при широком использовании военно-силовых методов. Характерно, что Россия (особенно после своего активного участия в урегулировании сирийского конфликта) обладает решающим голосом в процессах реновации региона. Проблема в том, что регион не является ресурсно самодостаточным и может играть самостоятельную геоэкономическую и тем более геополитиче-

скую роль только при условии внешней поддержки и включения в состав более длинных экономических цепочек.

В-третьих, это территория Персидского залива, где все еще определяются «управляющий центр» и направление вектора дальнейшего развития. Это связано с тем, что Персидский залив является потенциально наиболее целостным новым макрорегионом, обеспеченным ресурсами и имеющим доступ к многовекторной логистической сети. И в данном случае коронавирус может сыграть существенную роль, ослабляя потенциал Ирана как центра консолидации региона, но только при условии, что Саудовская Аравия и проамериканские нефтяные монархии Персидского залива смогут удержать внутреннюю стабильность.

Кроме того, есть вероятность формирования двух региональных центров, способных существенно изменить геоэкономическую картину мира, если процесс их формирования будет доведен до логического конца.

Первый из них – южноазиатский. При условии отсутствия реальных конкурентов лидером станет Индия, которая претендует на статус полноценного постглобального «полюса силы», хотя и ограниченного ракетно-ядерными потенциалами Китая и Пакистана. Главным экономическим ограничителем в данном случае становятся нехватка энергетических ресурсов и логистическая несамодостаточность пространства, которые существенно замедляют формирование макрорегиона.

В случае дальнейшего ослабления Евросоюза как экономической системы и утраты им влияния представляется возможным формирование принципиально нового, второго, макрорегиона на базе стран Западного Средиземноморья, Западной Африки и ряда островных территорий в Атлантике, обеспечивающих исключительно выгодную конфигурацию региона с точки зрения построения производственных и транспортных цепочек. Если этот макрорегион сможет оформиться, несмотря на недостаточность ресурсов и промышленного потенциала, то он превратится в прообраз нового Карфагена – торгово-военной цивилизации, особенно с учетом исторического опыта соответствующих территорий [3].

Оценивая процессы формирования новых геоэкономических центров силы, важно отметить два обстоятельства: новые центры геоэкономической, а затем, вероятно, и геополитической

консолидации посткоронавирусного мира будут развиваться на основе разных моделей. И впоследствии это может привести к формированию различных моделей развития «посткапитализма», как и утверждают в книге «COVID-19: Великое обнуление» Клаус Шваб и Тьерри Маллере.

Регионализация может стать эффективным способом смягчения глобальных шоков. Этот процесс подразумевает укрепление сотрудничества между соседними странами, объединенными по региональному признаку, с целью создания эффективных и гибких логистических цепочек и снижения рисков чрезмерной зависимости от торговли с крупнейшими промышленно развитыми государствами и странами с формирующимся рынком. Что касается основных медицинских и продовольственных товаров, регионализация должна будет способствовать достижению безопасного уровня локализации производств и повышению устойчивости стран объединения к чрезвычайным ситуациям, таким как пандемия COVID-19.

Мир станет другим

Большое значение Клаус Шваб и Тьерри Маллере отводят вопросам защиты окружающей среды. Они отмечают, что после завершения пандемии правительства многих стран, вероятно, будут больше озабочены вопросами экономического роста, чем климатом. Но COVID-19 дал новый виток развития общественным активистам, которые настаивают на включении вопросов о разработке чистой энергии в государственную повестку дня. Такое решение сможет в перспективе обеспечить рабочие места и экономический рост, а также модернизацию энергетических систем, повышение их устойчивости и уменьшение загрязнения окружающей среды. Сегодня ведутся активные исследования в сфере коммерческого применения ядерного синтеза, в том числе на основе алгоритма использования технологий искусственного интеллекта. Это приведет к крупному технологическому скачку в энергетике, благодаря которому появится возможность взять под контроль ухудшающиеся климатические условия и разработку новых «зеленых» технологий [4].

За короткий период времени COVID-19 не только вызвал глобальные изменения в обществе, но и усугубил линии разлома

в экономике и геополитике. Растущее неравенство, усиление геополитических разногласий, политическая поляризация, провал глобального управления, ухудшение состояния окружающей среды – вот некоторые из основных проблем, существовавших до пандемии. Коронавирус усугубил их все.

Однако кризис, спровоцированный пандемией, заставил задуматься о структуре желаемого мира, который мог бы образоваться под воздействием новых условий. Несомненно, мир сегодня значительно лучше, чем он был раньше. Почти все ключевые показатели, которые измеряют коллективное благосостояние (например, количество людей, живущих в бедности или умирающих в результате конфликтов, ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности и даже количество смертей, вызванных пандемиями), постоянно улучшаются. Но это происходит «в среднем», как замечают Клаус Шваб и Тьерри Маллере.

Суть «обнуления» в том, чтобы ускорить трансформацию мировых процессов, заменить неудачные идеи, институты, процессы и правила новыми, более подходящими для текущих и будущих потребностей. Авторы книги считают, что в связи со всеми масштабными последствиями можно разделить эпохи на «до коронавируса» и «после коронавируса». Однако пандемия принесла с собой не только разрушения, но и перспективы. Она подготовила мир к борьбе с давно назревавшими системными проблемами. Теперь очевидно: вернуться к тому миру, который мы знали раньше, невозможно. Значит, в эпоху постпандемии общество будет вынуждено выстраивать новый ландшафт мировых процессов. Но это уже другая история.

Литература

1. Воскрешение экономики Евросоюза: Фонд восстановления и устойчивости// Euronews. – URL: <https://ru.euronews.com/2021/02/10/ru-real-economy-recovery-and-resilience-facility> (дата обращения: 11.04.2021).
2. *Георгиева К.* Меры, политика и пандемия: Когда кризис останется позади// Финансы и Развитие. 2020. – №2. – URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/fd0620r.pdf> (дата обращения: 13.04.2021).
3. *Евстафьев Д.* Пандемия коронавируса: путь туда, но не обратно// Эксперт. – URL: <https://expert.ru/expert/2020/15/pandemiya-koronavirusa-put-tuda-no-ne-obratno/> (дата обращения: 14.04.2021).
4. *Кадомцев А.* Новый мировой порядок, или переживет ли глобализация пандемию коронавируса?// Международная жизнь. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25646> (дата обращения: 09.04.2021).

5. Карпович О.Г., Давыдова А.В. Некоторые проблемы защиты прав человека в период пандемии COVID-19 // Международный правовой курьер. 2021. – URL: <http://inter-legal.ru/nekotorye-problemy-zashhity-prav-cheloveka-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 11.04.2021).
6. Конуров А.И. Геополитические последствия пандемии коронавируса // Вестник Дипломатической академии МИД России. – 2021. – № 1. – С. 6.
7. Коронавирус как последняя капля для мировой экономики // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/opinions/7886851> (дата обращения: 10.04.2021).
8. Краткие аналитические обзоры COVID-19 // Международная организация по миграции ООН. – URL: https://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ICP/covid-19_analytical_snapshots-compiled_russian_translation.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
9. Побочный эффект: чем грозит усиление государства в мире после пандемии // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/20/04/2020/5e9d58579a794737af3c52b5> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
11. «Цифровой тоталитаризм» против «здорового смысла»: за чем будущее? // 2035. – URL: <http://2035.media/2018/02/07/digital-totality/> (дата обращения: 10.04.2021).
12. Что такое цифровой тоталитаризм и возможен ли он в России // РБК Новости. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e8efb879a79471cf805f2b3> (дата обращения: 10.04.2021).
13. Auer R., Cornelli G. and Frost J. Covid-19, cash, and the future of payments // BIS Bulletin. 2020. – №3.
14. Bank of Korea launches CBDC pilot // Central Banking. – URL: <https://www.centralbanking.com/fintech/cbdc/7522056/bank-of-korea-launches-cbdc-pilot> (accessed: 13.04.2021).
15. Banque de France seeks partner for wholesale CBDC project // Central Banking. – URL: <https://www.centralbanking.com/fintech/cbdc/7517256/banque-de-france-seeks-partner-for-wholesale-cbdc-project> (accessed: 11.04.2021).
16. Central Bank group to assess potential cases for central bank digital currencies // Bank of England. – URL: <https://www.bankofengland.co.uk/news/2020/january/central-banks-group-to-assess-digital-currencies> (accessed: 11.04.2021).
17. Jones W. Which Way the International Winds Blow After COVID-19 Pandemic? // Global Times. – 2020. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1189927.shtml> (accessed: 13.04.2021).
18. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // The Wall Street Journal. – 2020. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed: 14.04.2021).
19. Oxford Economics: The economic cost of coronavirus lockdowns // The Oxford Economics web-site. – 2020. – URL: https://resources.oxfordeconomics.com/the-economic-cost-of-coronavirus-lockdowns?oe_most_recent_content_download_id=0000014&interests_trending_topics=coronavirus (accessed: 14.04.2021).
20. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy // New York and London: W.W. Norton. – 2011.
21. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset // Forum Publishing. – 2020.
22. The Riksbank to test technical solution for the e-krona // Sveriges Riksbank. – URL: <https://www.riksbank.se/en-gb> (accessed: 12.04.2021).